

Р. Е. Романов

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ФАКТОРЫ МОТИВАЦИИ ТРУДА РАБОЧИХ НА ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В ЗАПАДНОСИБИРСКОМ ТЫЛУ (1941–1945): СИНТЕЗ АРХАИКИ И МОДЕРНА*

doi: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-131-139

УДК 94(571.1)“1941/1945” ББК 63.3(253)62

В статье на примере предприятий ведущего оборонно-промышленного центра западносибирского тыла (Новосибирска) охарактеризованы сущность и эффективность социальных стимулов рабочих к труду в годы Великой Отечественной войны. В исследовании предлагается гипотеза о советской распределительной системе жизнеобеспечения заводских коллективов 1941–1945 гг. как об одной из уникальных форм синтеза архаики и модерна, порожденной чрезвычайными условиями. В рамках сочетания экономической институциональной теории, модернизационного подхода и микроистории выявлены практики предоставления оборонщикам продуктов питания, жилья, коммунальных услуг, промтоваров по месту работы. Установлено, что продовольственное снабжение по карточкам типологически относилось к феномену архаичной редистрибуции, жилищно-бытовое обеспечение — к современному социальному обеспечению. В то же время редистрибутивный механизм стимулирования, будучи историческим анахронизмом, пронизывал всю сферу распределения жизненных благ и функционировал в новых индустриальных формах. Преобладающая тенденция к архаизации мотивационной системы обуславливалась подчинением традиционных и современных практик жизнеобеспечения императиву выживания тружеников тыла. Невозможность повышения их качества жизни существенно ограничивала эффективность социально-бытовых факторов трудовой мотивации в плане закрепления кадров и повышения выработки на оборонных предприятиях одного из крупнейших тыловых городов СССР.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, западносибирский тыл, оборонные предприятия, рабочие, трудовая мотивация, социально-бытовые факторы, редистрибуция, архаика, модерн*

Введение

В годы Великой Отечественной войны функционирование оборонного производства в тыловых районах СССР зависело не только от технико-экономических, но и от социально-бытовых факторов. Одной из целей советского государства являлось создание распределительной системы жизнеобеспечения заводских коллективов, выпускавших оружие и боеприпасы для фронта. Ее задачи состояли не только в организации повседневной жизни, но также и в стимулировании занятости производственного персонала. Трудовые стимулы играли роль инструментов государственной мотивационной политики по закреплению кадров и повышению их выработки в промышленности. В данном случае предметом анализа выступает сфера

быта рабочих на военных заводах в Западной Сибири 1941–1945 гг. как совокупность инструментальных элементов социальной мотивации труда. К ним относились жилплощадь, коммунальное и бытовое обслуживание, потребительские товары, предоставлявшиеся по месту трудоустройства. Этот мотивационный компонент правомерно оценить в категориях неденежного вознаграждения за постоянную работу на предприятиях или повышение выработки. Однако вопросы о сущности и эффективности изучаемого феномена в новейшей отечественной историографии остаются дискуссионными.

Современные российские историки относят к бытовым факторам трудовой мотивации заводского персонала в 1941–1945 гг. дифференцированную систему натурального вознаграждения, элементы тыловой повседневности в целом или социальной инфраструктуры предприятий. Низкая эффективность этих форм побуждения работников тыла к занятости объясняется использованием вознаграждений с целью закрепления кадров на производстве, остаточным принципом финансирования социальной политики, созданием условий для выживания людей при отсутствии улучшения жизненной

Романов Роман Евгеньевич — к.и.н., с.н.с., Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: rromanov1981@mail.ru

* Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX — начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005)

среды.¹ В целом новейшая отечественная историография данной темы развивается в рамках истории повседневности советского тыла.

Отмеченный контекст изучения социально-го компонента стимулирования труда в оборонной промышленности СССР представляется в некотором смысле ограниченным. В конечном счете распределение как историческое явление уходит глубоко корнями в традиционное общество, которое к началу XX в. вступило в фазу глобального модернизационного перехода. В связи с этим возникают следующие вопросы: правомерен ли тезис о советском нормированном сервисе 1941–1945 гг. как одной из форм синтеза архаики и модерна? Как вероятная амбивалентная природа рассматриваемого феномена влияла на эффективность социального мотивирования персонала оборонных предприятий западносибирского тыла? Ответы на эти вопросы можно найти в русле сочетания экономической институциональной теории, модернизационного подхода и микроистории.

Согласно К. Поланьи, одной из классических форм хозяйственной деятельности являлась редистрибуция. Этот процесс представляет собой акты «стягивания» ресурсов центром с их последующим перемещением из него. Перераспределение зародилось как базовый принцип экономических отношений в родовой общине и древних обществах. В XX в. данное явление возродилось в отдельных индустриальных странах, включая СССР.² Так, советский тыл первой половины 1940-х гг. выступал одним из примеров редистрибутивных систем Новейшего времени. Этот вариант распределения служил интересам современного государства (в его сталинской версии), создавшего массовое оборонное производство в годы Второй мировой войны. Модернизация характеризуется переходом от традиционализма к современности, в ходе которого традиции и новации приобретают причудливые конфигурации в контексте конкретного общества и его мотивационных систем.³

¹ См.: Прибыткова К. П. Мотивация труда в промышленности Алтайского края в 1940-е–1980-е гг. Барнаул, 2019; Зинич М. С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М., 2019; Потемкина М. Н., Жаркынбаева Р. С., Ануфриева Е. В. Социальная инфраструктура предприятия как главный фактор жизнеобеспечения рабочих в военные годы (1941–1945) // Вестник Волгоградского государственного университета. 2023. Т. 28, № 1. С. 53–64.

² См.: Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 2. С. 68, 73.

³ См.: Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов / Алексеев В. В. [и др.]. Екатеринбург, 2011. С. 22.

Макроисторические подходы позволяют выдвинуть гипотезу о социально-бытовых факторах трудовой мотивации рабочих военных заводов, действовавших в виде архаичных и современных элементов распределительной системы жизнеобеспечения. Микроисторический подход дает возможность выявить локальные проявления указанного феномена путем погружения в повседневную жизнь заводских коллективов Новосибирска. Такой исследовательский прием открывает путь для анализа практик предоставления жилплощади, коммунальных услуг, промтоваров и продуктов питания как типологически разных форм социального стимулирования к закреплению кадров и повышению выработки на предприятиях ведущего индустриального центра Западной Сибири в 1941–1945 гг. А также он позволяет установить уровень эффективности этих практик, зависящий от реакции работников на них в крупнейшем городе тылового региона.

Социально-бытовые факторы мотивации труда: элементы архаики

В российском дореволюционном обществе одним из предметов редистрибуции выступало продовольствие. Так, в отдельных крестьянских семьях хозяин дома за обедом раскладывал пищу между едоками в зависимости от возраста, выполненной работы и дисциплины.⁴ В раннесоветский период закрепление в конституциях 1918 и 1936 гг. библейского принципа «Кто не работает, тот не ест»⁵ означало приспособление этой традиционной нормы к строительству социализма.⁶ Ее новым воплощением стало перераспределение продуктов питания по карточкам в пользу рабочего класса в годы Гражданской войны (1918–1921 гг.) и форсированной модернизации (1929–1935 гг.).

Великая Отечественная война привела к возрождению данного явления в тыловых районах СССР. С 1 сентября 1941 г. в городах Западной Сибири вводились карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия, с 1 ноября — на мясо, рыбу, жиры, крупу и макаронные изделия. В одном случае

⁴ См.: Бердинских В. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001. С. 110.

⁵ В Библии эта цитата сформулирована следующим образом: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» — см. Новый Завет. 2 Фес. 3:10.

⁶ См.: Конституция РСФСР от 10 июля 1918 г. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm#5> (дата обращения: 10.12.2024); Конституция СССР от 5 декабря 1936 г. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 10.12.2024).

рабочие регионального военпрома⁷ включались в первую категорию снабжения (тяжелая промышленность), в другом — в особый список (оборонная промышленность). Они могли рассчитывать на получение 800 г хлеба в сутки, 2 200 г мяса или рыбы, 1 500 г крупы и макарон, 600 г жиров, 600 г сахара и кондитерских изделий в месяц.⁸ Хлебные пайки оборонщиков превышали довольствие второй категории снабжения (легкая промышленность) на треть, служащих — в 1,6–2 раза, иждивенцев и детей до 12 лет — в 2 раза. Принадлежность к особому списку давала преимущества в обеспечении мясом и рыбой в 1,2–5,5 раза, жирами — в 1,5–3 раза, крупами и макаронами — в 1,25–2,5 раза. Персонал горячих и вредных цехов снабжался по повышенным нормам, превосходящим «особые» в 1,5–2 раза. Распределение продуктов питания в зависимости от принадлежности к группам горожан, отраслям индустрии и условиям труда позволило структурировать тыловое общество в виде стратификации, мотивировавшей неработающее население к поступлению на производство. Эта стратификация способствовала возвращению адаптированной версии архаичной морали «Кто не работает, тот не ест» в экстремальной обстановке военного времени.

В рамках действия традиционной нормы оказались миллионы тружеников тыла: с декабря 1942 по декабрь 1944 г. в СССР число рабочих, получавших карточки на хлеб, выросло с 15 190 до 21 602 тыс. чел. Доля промперсонала, отоваривавшегося хлебом по первой категории, увеличилась с 47,9 до 51,5 %, второй — с 44,7 до 47,3 %. По повышенным нормам обеспечивались соответственно 1,15 % (в конце 1942 г.) и 7,4 % (в конце 1944 г.) производственников.⁹ С января 1942 по март 1943 г. в городах Западной Сибири количество работников, снабжавшихся централизованно, возросло с 1 147,3 до 1 570,9 тыс., соотношение между их первой и второй категориями составляло 60 и 40 %.¹⁰ По повышенным нормативам снабжались шахтеры, металлурги, рабочие горячего, вредного и взрывоопасного производства, горняки-подземщики и грузчики. Занятие перечисленных

вакансий открывало возможности для получения максимального довольствия.

С точки зрения удержания мобилизованных трудовых ресурсов на производстве карточная система распределения продовольствия являлась противоречивой. Ее плюсы состояли в мотивировании людей к занятости на предприятиях за счет низкой стоимости потребительских товаров. В 1944 г. стоимость пайка новосибирских оборонщиков составляла от 32 до 41 руб., или от 6,2 до 8,0 % от реальной среднемесячной зарплаты.¹¹ Из-за инфляции заводской персонал мог потратить заработок на приобретение продуктов питания лишь в магазинах и столовых отделов рабочего снабжения (ОРСов). В этих условиях привязка заработной платы к сфере закрытой торговли и общепита выступала краеугольным элементом социальной мотивации к труду в тылу.

Основной недостаток советского нормированного распределения 1941–1945 гг. заключался в низком уровне продовольственного обеспечения работников. Эффективность деятельности ОРСов снижалась под влиянием дефицита, бюрократизма и коррупции. В 1942 г. калорийность обедов в заводских столовых Новосибирска (от одного до трех раз в день) составляла от 53,75 до 72,4 % физиологической нормы станочника (3 600 ккал), в 1943 г. — от 53,8 до 72,6 %, в 1944 г. — от 51,1 до 75,6 %.¹² Даже с учетом домашней трапезы скудное питание не позволяло труженикам военно-промышленного тыла восстанавливать силы после заводской смены. В ряде случаев такое положение приводило к истощению их организма и заболеваемости.

Многие рабочие реагировали на кризис снабжения дезертирством из оборонной индустрии. В 1943 г. предприятия Новосибирска самовольно покинули 20 тыс. чел., в 1944 г. — 10,2 тыс. чел.¹³ Большинство труддезертиров составляли разнорабочие, ученики и малоквалифицированные станочники, бежавшие с заводов из-за тяжелого материально-бытового положения, в том числе неполного отоваривания карточек.¹⁴ Стахановцы же выражали

⁷ В ходе эвакуации во втором полугодии 1941 — начале 1942 г. число оборонных предприятий в Западной Сибири увеличилось с трех до 47.

⁸ См.: Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 29, 30.

⁹ См.: Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны: статистический сборник. М., 1990. С. 204.

¹⁰ См.: Исупов В. А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны. Новосибирск, 2008. С. 322.

¹¹ Подсчитано по: Букин С. С. Бюджеты рабочих семей Сибири в годы Великой Отечественной войны // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2004. Вып. 2. С. 116, 117.

¹² Подсчитано по: Шумилов В. Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945). Новосибирск, 2000. С. 93.

¹³ См.: Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 322.

¹⁴ См.: ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 176. Л. 168об.

готовность повысить выработку при нормальном жизнеобеспечении. Как нельзя лучше эту ситуацию иллюстрирует высказывание токаря комбината № 179 «Сибметаллстрой» Наркомата боеприпасов (НКБ) Бутенко: «Я дам и 500 % нормы после улучшения питания в столовой. А то приходится за 15–18 часов есть один раз и, то чай или суп».¹⁵ Необходимость выживания и адаптации к материальным лишениям актуализировала среди передовиков запрос на архаичные трудовые стимулы.

На фоне текучести кадров советское правительство решило опереться на сознательных рабочих, готовых соответствовать по-новому конституированной традиции. С мая 1942 г. перевыполнение норм выработки в промышленности поощрялось стахановскими талонами на 100 и 200 г хлеба сверх карточного пайка. В октябре того же года Совнаркомом СССР постановил организовать для добросовестных работников первоочередную продажу продовольственных товаров, дополнительное питание, отпуск продуктов из подсобных хозяйств.¹⁶ К концу 1942 г. на предприятиях страны вторые обеды и/или хлебные надбавки стали получать 0,6 млн чел., к началу 1945 г. — 6 млн чел.¹⁷ Прогульщикам же снижали нормы суточного пайка на 100 или 200 г хлеба.

Возрастание роли нормированного общепита в советской мотивационной системе сопровождалось беспрецедентными экспериментами. В апреле 1943 г. на комбинате № 179 НКБ для многостаночников было введено питание по принципу прогрессивной оплаты труда. За выработку норм от 100 до 115 % им полагалось одно второе блюдо и дополнительный талон на 100 г хлеба, от 115 до 125 % — два блюда и талон, от 125 % и выше — два блюда и два талона.¹⁸ В апреле 1944 г. жюри комбината № 179 НКБ установило для победителей соревнования среди цехов по три продуктовые премии. Среди подразделений эти поощрения были присуждены цехам № 1, 2, 8, 12, 19 и 20. Размер наград увязывался с показателями перевыполнения плана и сокращения производственного брака.

В зависимости от номинации каждый цех получил от 750 до 4500 кг картофеля, от 150 до 1500 кг рыбы, от 2 до 15 поросят.¹⁹ Коллективные премии распределялись между передовиками производства.

Значимое место в стимулировании занятости тружеников тыла занимали огороды. В апреле и ноябре 1942 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли директивы о развитии огородничества на предприятиях.²⁰ К 1944 г. на комбинате № 179 НКБ жителям юнгорода было выделено 10 га земли для выращивания картофеля и овощей.²¹ Создание собственных запасов продовольствия заметно повышало шансы рабочих на выживание. Ветеран завода № 386 НКБ Е. И. Цеценова вспоминала, что картошка с огорода спасла ее от голода в военное лихолетье.²² Благодаря этому домашнее питание стало одним из факторов сохранения трудоспособности оборонщиков.

Натуральное премирование и огородничество позволяло несколько улучшить качество рабочего меню. В 1942 г. его калорийность при наличии 100 или 200-граммовых довесков хлеба к пайку в столовых Новосибирска составляла от 59,3 до 83,5 % физиологической нормы станочника, в 1944 г. — от 56,7 до 83,9 %.²³ При двух–трехразовом питании с учетом вторых блюд, дополнительных хлебных талонов и домашней пищи энергетическая ценность обедов передовиков приближалась к нормативу. В этих условиях среди молодых рабочих Новосибирской области доля стахановцев и ударников выросла с 19 % в конце 1942 г. до 65 % в середине 1944 г.²⁴ Некоторое улучшение базового потребления в сочетании с патриотической агитацией и рационализацией производства побуждало работников оборонных предприятий региона к повышению выработки. Организационно-технические мероприятия снижали трудозатраты на выпуск продукции для фронта и позволяли

¹⁹ Подсчитано по: ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 956. Л. 65.

²⁰ См.: Трифонов А. Н. Огородничество и решение продовольственной проблемы на Урале в годы Великой Отечественной войны // Мониторинг региональной модели исторического общего и профессионального образования: девятые всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 215.

²¹ См.: Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сборник документов. Новосибирск, 2005. С. 682.

²² См.: Букин С. С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск, 2001. С. 108.

²³ Подсчитано по: Шумилов В. Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945). Новосибирск, 2000. С. 93.

²⁴ См.: ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

¹⁵ Цит. по: Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 365, 366.

¹⁶ См.: Постановление СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий» // Сталин И. В. Сочинения. Тверь, 2006. Т. 18. С. 302.

¹⁷ См.: Орлов В. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008. С. 132.

¹⁸ См.: ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 26. Л. 11.

персоналу сохранять работоспособность при скудных пайках. В данном случае стахановский труд являлся следствием взаимодействия традиционной нормы, пропаганды соцсоревнования и индустриальных технологий в западносибирском тылу.

Социально-бытовые факторы мотивации труда: элементы модерна

В модернизирующемся обществе на смену редистрибуции пришли практики социального обеспечения, в том числе предоставление жилья по месту трудоустройства. В дореволюционной России предприниматели выделяли пролетариям места в фабрично-заводских казармах, деньги на съем квартир и кредиты на покупку домов.²⁵ Революция 1917 г. привела к возрождению и переносу редистрибутивного подхода в жилищную сферу. В раннесоветский период его воплощением являлось перераспределение городского жилфонда в пользу рабочих путем создания уплотненных коммуналок и общежитий, закрепленных за предприятиями.²⁶

Великая Отечественная война активизировала данную тенденцию в тыловых регионах страны. В ее первые месяцы жилищная политика властей в городах Западной Сибири была направлена в основном на подселение эвакуантов в частные квартиры и дома. 5 июля 1941 г. Новосибирский обком ВКП(б) поручил райкомам начать прием и расселение эвакуируемых. Так, к концу года только профком комбината № 179 НКБ разместил на жилплощади Кировского района не менее 13 тыс. беженцев.²⁷ Тем не менее на 1 января 1942 г. в оборонной индустрии Новосибирска не хватало 210 тыс. кв. м жилья (по 3 кв. м на жильца).²⁸

Высшее руководство страны также ориентировало областные парткомы и советы на строительство временных жилищ для эвакуантов и трудмобилизованных граждан. Осенью 1941 г. в тыловых районах началось сооружение жилых строений упрощенного типа.²⁹ За годы

войны на оборонных предприятиях Новосибирска было возведено 223 тыс. кв. м нового жилья (59,7 %).³⁰ Структура заводских «микрорайонов» зависела от соотношения в них капитальной и труппной застройки. На 1 января 1945 г. в поселке завода № 153 НКАП доля домов составляла 67,8 %, барачных — 32,2 %, № 635 НКБ — 20,9 и 79,1 %.³¹ В первом случае временки дополняли довоенный соцгородок завода им. В. П. Чкалова, во втором — выступали основной жилой застройкой эвакупредприятия, воздвигнутой с нуля.

С точки зрения закрепления оборонщиков на производстве распределение жилья приводило к противоречивым последствиям. Плюсом редистрибутивной жилищной политики являлось переселение работников из квартир новосибирцев в ведомственные общежития и коммуналки. В 1942–1944 гг. жилфонд завода № 617 Наркомата электропромышленности (НКЭП) вырос с 2 210 до 7 380 кв. м, число жильцов — с 852 до 1 506. Их доля в домах увеличилась с 66,4 до 85,3 %, в бараках — сократилась с 33,6 до 14,7 %. Рост первой группы заводского социума обуславливался размещением на служебной жилплощади 500 рабочих, живших в частном секторе Новосибирска.³² Данная мера позволяла прочно закрепить койко-места за персоналом на время работы на предприятии. Это преимущество служило одним из важных элементов социальной мотивации к труду в годы войны.

Минусы распределительной системы состояли в несоответствии жилищ элементарным критериям благоустройства. Одной из бытовых проблем являлась теснота жилых помещений. В 1943 г. на заводе № 635 НКБ в коммунальных квартирах на одного жильца приходилось 4,1 кв. м (136,7 % от санитарного минимума), в барачных общежитиях — 3,8 (126,7 %), в частных домах — 3,2 кв. м (106,7 %).³³ Каждый работник независимо от типа жилплощади располагал койко-местом с ограниченным пространством. Данная ситуация свидетельствовала об уравнилительной тенденции в сфере быта, нивелировавшей возможность усиления

²⁵ См.: «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России / Бородин Л. [и др.]. М., 2010. С. 164.

²⁶ См.: Букин С. С., Исаев В. И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920–1960-е гг.). Новосибирск, 2009. С. 88.

²⁷ См.: ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 1. Д. 68. Л. 11.

²⁸ См.: Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 165, 166, 232.

²⁹ См.: Постановление Совнаркома СССР от 13 сентября 1941 г. «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967): сборник документов. М., 1968. Т. 3. С. 34.

³⁰ См.: ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1770. Л. 149–150.

³¹ Подсчитано по: Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 344; Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 596.

³² См.: ГАНО. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 5. Л. 44; Д. 18. Л. 64.

³³ См.: Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 595, 596.

мотивационной установки к занятости в условиях переселения рабочих из бараков в капитальные дома.

Перемещение из временного в постоянное жилье, как правило, не сопровождалось улучшением условий жизни производственников. В 1943 г. в школу фабрично-заводского обучения завода № 386 НКБ были призваны 40 подростков. Первоначально учащихся поселили в холодной мансарде общежития. Позднее для выпускников учебного заведения предприятие построило дом с печным отоплением. Но из-за нехватки топлива юные заводчане мерзли от зимнего холода и в новом жилище.³⁴ Аскетичная жилищная обстановка являлась одной из причин бегства из военной индустрии молодых рабочих, проживавших в основном в бараках.³⁵ Их жильцы испытывали дискомфорт от антисанитарии, отсутствия освещения, воды, тепла и канализации. Дефицит бытовых удобств затруднял воспроизводство рабочей силы в западносибирском военпроме.

К концу войны для улучшения функциональности данного процесса руководители производства стали уделять больше внимания строительству домов с коммунальным обслуживанием. На 1 января 1945 г. в соцгородках и поселках комбината № 179, заводов № 635 НКБ, 153 НКАП, 617 и 644 НКЭП электросетями было охвачено 100,0 % жилплощади, отопительными — от 6,2 до 49,7 %, канализационными — от 0 до 35,7 %, водопроводными — от 0 до 41,3 %. Электрическим светом обеспечивались все жильцы коммуналок и общежитий, центральным отоплением — 30,1 %, водоснабжением — 23,4 %, канализацией — 12,4 %.³⁶ В целом по рассматриваемой группе новосибирских заводов жизненными благами (кроме электричества) пользовались от одной восьмой до трети потенциальных потребителей. Основная масса рабочих находилась вне сферы действия современных жилищно-бытовых стандартов.

Лучшее жилье распределялось в пользу кадровых производственников. Так, в пятиэтажных кирпичных домах завода № 556 НКБ размещались 55,0 % семейных работников, в двухэтажных брусчатых — 36,6 %, в каркасных бараках — 8,4 %. Доля юных заводчан, поселенных в деревянной домовой застройке, составля-

ла 34,1 %, в барачной — 65,9 %.³⁷ Эта жилищная стратификация была нацелена на удержание в оборонной промышленности ценных профессиональных кадров, восприимчивых к современным трудовым стимулам.

Реализации данной цели служило также распределение промтоваров по купонным карточкам. С начала 1942 г. персоналу военных заводов ежемесячно выдавались 125 купонов, или на 25 и 56 % больше, чем служащим и иждивенцам.³⁸ Дефицит нивелировал неравенство в жизнеобеспечении, дававшее небольшие преимущества индустриальным работникам. Невозможность замены изношенных вещей вынуждала их совершать прогулы. Осенью–зимой 1942 г. по этим причинам на заводе № 564 НКБ каждый день на работу не выходили по 45–50 чел., № 153 НКАП — 60–65, № 65 НКБ — 240–245 чел.³⁹ Сложившаяся кризисная ситуация требовала вмешательства со стороны заводского руководства.

Одной из форм такого вмешательства являлось создание инфраструктуры по бытовому обслуживанию трудовых коллективов. В сентябре 1942 г. на «Сибметаллстрое» начал функционировать комбинат, состоявший из сапожных, портновских, жестяных, столярно-бондарных мастерских, парикмахерских, прачечных, бань и дезокамер. Данные учреждения занимались ремонтом или изготовлением предметов домашнего обихода, оказанием услуг по стрижке и бритью, стирке белья и дезинфекции жильцов бараков от вшей.⁴⁰ В то же время налаженный «сервис» финансировался по остаточному принципу. В 1944 г. на комбинате № 179 НКБ среднегодовые расходы на одного жильца общежитий достигли 176 руб. Львиная доля затрат уходила на содержание жилищно-коммунального хозяйства. На обустройство быта в расчете на одного человека были потрачены лишь 40 коп.⁴¹ В итоге сотни людей ходили на работу в ватных брюках, фуфайках и башмаках на деревянной подошве. В течение года из-за износа недоброкачественной одежды, обуви и недоедания предприятие самовольно покинули 2 685 рабочих.⁴² Эти цифры свидетельствовали

³⁴ См.: Букин С. С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. С. 94.

³⁵ См.: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 172. Л. 142.

³⁶ См.: Там же. Ф. 11. Оп. 4. Д. 141. Л. 12; Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 18. Л. 64.

³⁷ См.: Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 442, 443.

³⁸ См.: Букин С. С., Тепляков А. Г. Продовольственная проблема в городах Западной Сибири в годы войны // Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е–90-е годы). Новосибирск, 1992. С. 16.

³⁹ См.: РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 60. Л. 15, 22.

⁴⁰ См.: ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 17. Л. 41.

⁴¹ См.: Там же. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 141. Л. 12.

⁴² См.: Там же. Д. 142. Л. 37.

о негативной реакции оборонщиков на отсутствие улучшения повседневной жизни, протекавшей в режиме выживания.

В немного лучшем положении находились передовики производства. С 1943 г. на заводе № 296 НКАП стахановцы военного времени могли претендовать на покупку продуктов и вещей на сумму от 35 до 50 руб. Заводчане, побеждавшие в ежемесячном соревновании по профессиям один раз, получали ордера на предметы повседневного обихода на сумму 100 руб., три раза — на 150 руб. Лицам, удерживавшим звание «лучшего рабочего по профессии» в течение полугода, вручалась книжка «гвардейца тыла» и ордер на промтовары стоимостью 200 руб.⁴³ По воспоминаниям работницы завода № 386 НКБ А. М. Романовой, однажды ей в качестве награды за перевыполнение производственных заданий выдали туфли на каблук. Такой ценный подарок вызвал у девушки радостные эмоции.⁴⁴ Положительный отклик на премирование побуждал молодых рабочих к повышению выработки. Однако редкие вещевые премии вряд ли оценивались ими как атрибуты благосостояния. В данном случае стахановский труд являлся не столько следствием их адаптации к городским условиям жизни, сколько следствием сочетания традиционной нормы, пропаганды соцсоревнования и индустриальных технологий.

Выводы

В заключение необходимо вернуться к гипотезе об амбивалентной природе социально-бытовых факторов трудовой мотивации рабочих оборонных заводов в советском (западносибирском) тылу. В целом гипотетическое представление о нормированном сервисе в СССР 1941–1945 гг. как об уникальной форме синтеза архаики и модерна можно считать правомерным. Погружение объекта исследования в контекст истории России первой половины XX в. позволяет различить в структурах бытовой повседневности оборонщиков в рассматриваемый период причудливую конфигурацию традиций и новаций. На первый взгляд, они находили отражение в создании советским государством социальных стимулов к труду (как инструментов мотивационной политики) за счет продовольст-

венного и жилищно-бытового обеспечения работников. Первый мотивационный фактор типологически относился к феномену архаичной редистрибуции, второй — современного соцобеспечения. В то же время редистрибутивный механизм стимулирования заводского персонала пронизывал всю сферу распределения жизненных благ. Анализ локальной документации оборонных предприятий Новосибирска показывает, что в тыловых городах СССР выявленный исторический анахронизм функционировал в новых индустриальных формах. Явлениями данного порядка выступали как выдача карточек, стахановских талонов на продукты питания и промтовары, так и выделение служебного жилья с коммунальным обслуживанием. Преобладающая тенденция к архаизации мотивационной системы обуславливалась подчинением традиционных и современных практик жизнеобеспечения императиву выживания тружеников тыла в экстраординарных условиях военной поры. Вместе с тем сложившаяся ситуация не исключала неудачных попыток некоторых руководителей оборонного производства улучшить бытовое положение рабочих в духе современной социальной политики.

Амбивалентная сущность изучаемого феномена обуславливала его противоречивое влияние на побуждение производственников к занятости в годы войны. С одной стороны, глубоко витальная подоплека ударного труда стала одним из факторов вовлечения рабочей молодежи в соревнование за выполнение военно-хозяйственных планов. С другой стороны, уменьшение числа труддизертиров в промышленности Новосибирска было скорее следствием введения архаичного «наказания голодом», чем приближения быта трудящихся к нормам современного благоустройства. Невозможность повышения их качества жизни существенно ограничивала эффективность социально-бытовых факторов трудовой мотивации в плане закрепления кадров и повышения выработки на оборонных предприятиях одного из крупнейших тыловых городов СССР. В связи с этим социальные стимулы служили лишь дополнительным средством для усиления морального поощрения оборонщиков, игравшего ведущую роль в советской мотивационной системе первой половины 1940-х гг.

⁴³ См.: Там же. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 187. Л. 2, 43.

⁴⁴ См.: Букин С. С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. С. 96.

Roman E. Romanov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: rromanov1981@mail.ru

SOCIAL AND DOMESTIC FACTORS MOTIVATING WORKERS AT DEFENSE
ENTERPRISES ON THE WEST SIBERIAN HOME FRONT (1941-1945):
A SYNTHESIS OF THE ARCHAIC AND THE MODERN

Using the example of enterprises of the leading military-industrial center of the West Siberian home front (Novosibirsk), the article shows the essence and effectiveness of social incentives for workers to labor during the Great Patriotic War. The study proposes a hypothesis about the Soviet life support distribution system for factory teams in 1941–1945 as one of the unique forms of synthesis of archaisms and modernity generated by the extraordinary conditions of the period under review. Within the framework of a combination of economic institutional theory, a modernization approach and micro-history, the practices of providing food, housing, utilities, and manufactured goods to defense workers at their place of work are identified. It is established that the food supply by cards typologically referred to the phenomenon of archaic redistribution, housing and communal services — to modern social security. At the same time, the redistribution incentive mechanism, being a historical anachronism, permeated the entire sphere of distribution of vital goods and functioned in new industrial forms. The prevailing trend towards the archaization of the motivational system was conditioned by subordination of traditional and modern life support practices to the imperative of survival of home front workers. The inability to improve their quality of life significantly limited the effectiveness of social and domestic factors of labor motivation in terms of securing personnel and increasing production at defense enterprises in one of the largest rear cities of the USSR.

Keywords: *Great Patriotic War, West Siberian home front, defense enterprises, workers, labor motivation, social and domestic factors, redistribution, archaisms, modernity*

REFERENCES

- Alekseev V. V., Alekseeva E. V., Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. et al. *Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX vv.: vzaimodeystviye makro- i mikroprotsessov* [The Experience of Russia's Modernizations in the 18th–20th Centuries: The Interaction of Macro- and Micro-Processes]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2011. (in Russ.).
- Berdinskikh V. *Krest'yanskaya tsivilizatsiya v Rossii* [Peasant Civilization in Russia]. Moscow: Agraf Publ., 2001. (in Russ.).
- Borodkin L., Valetov T., Smirnova Yu., Shilnikova I. "Ne rublem yedinyim": *Trudovyye stimuly rabochikh-tekstil'shchikov dorevolutsionnoy Rossii* ["Not by Rubles Alone": Labor Incentives of Textile Workers in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. (in Russ.).
- Bukin S. S., Isaev V. I. *Zhilishchnaya problema v gorodakh Sibiri (1920–1960-ye gg.)* [The Housing Problem in Siberian Cities (1920–1960s)]. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2009. (in Russ.).
- Bukin S. S. *Zavod «Iskra» v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Istoricheskiy ocherk i vospominaniya veteranov* [The Iskra Plant during the Great Patriotic War. A Historical Essay and Veterans' Memoirs]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN Publ., 2001. (in Russ.).
- Bukin S. S. [Budgets of Siberian Working Families during the Great Patriotic War]. *Sotsial'no-demograficheskoye razvitiye Sibiri v XX stoletii* [Social and Demographic Development of Siberia in the 20th Century]. Novosibirsk: Nauka-Tsentr Publ., 2004, iss. 2, pp. 104–129. (in Russ.).
- Bukin S. S., Teplyakov A. G. [The Food Problem in the Cities of Western Siberia during the War Years]. *Problemy truda i byta gorodskogo naseleniya Sibiri (1940-ye — 90-ye gody)* [Problems of Labor and Life of the Urban Population of Siberia (1940s–90s)]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN Publ., 1992, pp. 6–34. (in Russ.).
- Isupov V. A. *Glavnyy resurs Pobedy: Lyudskoy potentsial Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny* [The Main Resource of Victory: The Human Potential of Western Siberia during the Second World War]. Novosibirsk: Sova Publ., 2008. (in Russ.).
- Lyubimov A. V. *Torgovlya i snabzheniye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Trade and Supply during the Great Patriotic War]. Moscow: Ekonomika Publ., 1968. (in Russ.).

Orlov V. B. *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Formation]. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2010. (in Russ.).

Polanyi K. [Economics as Institutionally Formed Process]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2002, vol. 3, no. 2, pp. 62–73. (in Russ.).

Potemkina M. N., Zharkynbaeva R. S., Anufrieva E. V. [Social Infrastructure of an Enterprise as the Main Factor of Workers' Life Support during the War Years (1941–1945)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 53–64. DOI: 10.15688/jvolsu4.2023.1.5 (in Russ.).

Pribytkova K. P. *Motivatsiya truda v promyshlennosti Altayskogo kraya v 1940-ye–1980-ye gg.* [Labor Motivation in the Industry of the Altai Krai in the 1940s–1980s.]. Barnaul: AZBUKA Publ., 2019. (in Russ.).

Savitsky I. M. *Vazhneyshiy arsenal Sibiri: razvitiye oboronnoy promyshlennosti Novosibirskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Most Important Arsenal of Siberia: Development of the Novosibirsk Region's Defense Industry during the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2005. (in Russ.).

Shumilov V. N. *Sozdaniye oboronnoy promyshlennosti Novosibirskoy oblasti (1941–1945)* [Creation of the Novosibirsk Region Defense Industry (1941–1945)]. Novosibirsk: SO RASKHN Publ., 2000. (in Russ.).

Trifonov A. N. [Gardening and the Solution of the Food Problem in the Urals during the Great Patriotic War]. *Monitoring regional'noy modeli istoricheskogo obshchego i professional'nogo obrazovaniya: Devyatyte vserossiyskiye istoriko-pedagogicheskiye chteniya* [Monitoring of the Regional Model of Historical General and Professional Education: Ninth All-Russian Historical and Pedagogical Readings]. Ekaterinburg: UrGPU Publ., 2005, vol. 1, pp. 214–227. (in Russ.).

Zinich M. S. *Povsednevnyaya zhizn' naroda v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [People's Everyday Life during the Great Patriotic War]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr humanitarnykh iniciativ Publ., 2019. (in Russ.).

Для цитирования: Романов Р. Е. Социально-бытовые факторы мотивации труда рабочих на оборонных предприятиях в западносибирском тылу (1941–1945): синтез архаики и модерна. // Уральский исторический вестник. 2025. № 3 (88). С. 131–139. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-131-139.

For citation: Romanov R. E. Social and Domestic Factors Motivating Workers at Defense Enterprises on the West Siberian Home Front (1941–1945): A Synthesis of the Archaic and the Modern // Ural Historical Journal, 2025, no. 3 (88), pp. 131–139. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-131-139.